
БУРОВАЯ КНИГА

Дневник одной буровой практики

Александр Трибунский

«Иногда ты едешь за профессией, а находишь кусок самого себя.»

Содержание

Вместо предисловия

Глава 1. Вокзал Новосибирск-Главный

Глава 2. Дорога, водка и Тюмень

Глава 3. Коротчаево, саратовцы, футбол, газовая столица и первые звоночки ада

Глава 4. В институте про это не рассказывали

Глава 5. Постепенно привыкаешь

Глава 6. Мини-государство на кусту

Глава 7. Прихват. Рыбалка на миллион

Глава 8. Тягучее время. Кирилл, разбор и белый день

Глава 9. Отдельный вагончик. Тишина. «Красивая»

Глава 10. Возвращение. Деньги. Решение

Послесловие

Об авторе

Дневник одной буровой практики

Вместо предисловия

Мне было девятнадцать. Ровно в два раза меньше, чем сейчас. Я только закончил ГГФ НГУ — Геолого-геофизический факультет Новосибирского государственного университета, отделение поиска горючих полезных ископаемых. Проще говоря — нефть.

И тогда, в своей юной голове, я почему-то был уверен: нефть — это про серьёзность и крутость, про большие деньги, настоящих мужиков, северную романтику, про сапоги по колено в грязи, разговоры у вагончика, гитару под сигарету и честную усталость. Я думал, что это как взрослая жизнь без фальши. Где каждый за дело. Где нет глянца. Где ты — мужик или никто. Короче, романтика. Не блатная, но тоже ничего.

Так что когда мне предложили поехать на буровую куда-то в район Нового Уренгоя, я даже не думал. Согласился сразу. Мне казалось, я еду стать собой. Тем настоящим «я», который потом будет рассказывать детям, как всё начиналось.

А по факту я провёл на буровой шестьдесят шесть дней. Это были не адские дни — слово слишком удобное и округлое. Это были сверхреальные дни. Я прохавал эту жизнь в экспресс-формате. Тот опыт кардинально изменил мою жизнь и, в каком-то смысле, сделал меня сегодняшнего: я ушёл из нефтегаза, потом был маркетинг, реклама, маленькое ВТЛ-агентство в подвале на улице Красный проспект, потом много всего ещё — проекты, люди, компании, переговоры, «будь гибче», «будь аккуратнее», «не руби с плеча» — и вот я, взрослый, оббитый и умеющий договариваться.

Пока я сидел на буровой, я начал вести дневник. Писал каждый день — сначала от любопытства, а потом, если честно, чтобы не раствориться. В этом белом свете, где нет ночи. В этом вагончике, где каждый день похож на предыдущий. В этих лицах, где у каждого своя история. Недавно, девятнадцать лет спустя, я нашёл эту тетрадь: старую, мято-пыльную, с косыми строчками. Я начал читать — и на третьей странице что-то щёлкнуло. Я чуть не заплакал. Словно снова почувствовал того мальчика: смешного, доброго, наивного. Того, кто ещё верил, что взрослость — это когда все всё понимают и держатся достойно. Того, кто ещё не знал, что взрослость — это, скорее, умение терпеть и договариваться. Иногда — очень долго. Без объяснений.

Я решил не переписывать этот дневник как писатель. Где-то подправил запятые, где-то подчистил очевидные огрехи, где-то добавил комментарии на полях — как голос себя сегодняшнего. Но в целом оставил всё, как было. Потому что это важно. Важно услышать того себя, которого давно не слышал. Не потому что он был умнее. А потому что он был чище.

Я часто говорил, что возраст не в теле, а в душе, и что я душой молодой. Но перечитал эту тетрадь — и понял: это немного ложь. Молодая душа — это та, которая писала эти страницы. А моя уже другая: оперившаяся, оббитая, местами очерстевшая, научившаяся сглаживать там, где раньше хотелось рубить. И весь смысл этой книги для меня — попытаться хотя бы на секунду вернуться в тот голос. Не в бедность, не в глупость, не в белые ночи. В чистый звук.

Если эта книжка поможет кому-то вспомнить себя — значит, не зря она пролежала девятнадцать лет. А если кому-то кажется, что он ещё молод в душе — почитайте дневник. Проверьте.

Глава 1. Вокзал Новосибирск-Главный

13.06.2006. 18:00. Вокзал Новосибирск-Главный. Старт. Точка отсчёта.

Я закончил бакалавриат ГГФ НГУ. Нефть, если коротко. Гордое направление. Важное. С запахом денег, суровости, трудовой романтики и честного северного мужика, который поднимает экономику страны, а в обед играет на гитаре у вагончика.

За четыре года нас неплохо подготовили. Мы ездили в поля, копались в шламах, таскали керны и спали в палатках под звёздами. И это казалось чудом — настоящей наукой, настоящей жизнью. Нам говорили: «Мы не сделаем вас умнее, мы научим вас думать». Нам говорили: «Если выживешь в поле — выживешь в отрасли». И я верю. Верю, что иду в дело. В важное. В настоящее. Иду в профессию. Иду во взрослую жизнь.

Нас не то чтобы прямо заманивали, но всё время говорили: там вы нужны. В стране нефти много — людей мало. Нормальных, толковых — тем более. И когда мне предложили пройти практику в одной российской нефтяной компании, я не колебался ни секунды. Это же буровая. Это же Север. Это мечта.

Я поеду туда, в эту Ямал-Ненецкую тундру, с рюкзаком за плечами и гитарой в руках, найду настоящую мужскую компанию, буду учиться у опытных буровиков, ловить северную рыбу, пить крепкий чай, писать песни,

---

бурить землю. А потом, может, и останусь. Построю карьеру. Стану нефтяником. Я горд. И полон надежды. Даже немного приподнят. Честно говоря, ощущаю себя человеком, который едет в жизнь. Не на вахту, а в судьбу.

Ну что же. Вперёд. Север ждёт.

Вокзал Новосибирск-Главный. Всё-таки у нас очень красивый вокзал — цвет подобран идеально. Люди, проезжающие мимо города Новосибирска, очень часто делают вывод, что этот город красивый. В этом виноват вокзал: он красивый. И он врунишка.

Огромные двери вокзала то и дело выплёвывают приезжих и тут же заглатывают новых, убывающих. Но мне не удалось сразу и безболезненно стать пищей нашего красавца-вокзала. Потому что вначале из меня запланировали сделать отбивную другие люди.

Люди — эки. Они стояли небольшой компанией прямо возле входа и всем своим видом давали понять: их надо бояться. Причём бояться обязательно — потому что у них большой жизненный опыт, который «бродяги» с завидной периодичностью получали в матушке-тюрьме. О том, что опыт действительно большой, свидетельствовало приличное количество татуировок на их оголённых торсах и малое количество зубов во рту.

Пару слов о торсах: торсы у эков были уродские. Но они об этом не знали. Видимо, им никто не сказал. Ну ещё бы: столько татуировок — кто тут скажет.

Ко мне подошёл самый молодой из них и вежливо, но настойчиво попросил посмотреть гитару. Всё-таки вид у него был совсем не страшный — как бы он ни пытался его таким сделать. Показал — посмотрел. За осмотром гитары ээк всё так же вежливо и настойчиво поинтересовался:

— Братишка, а ты не до Барабинска ли?

...В Барабинске я однажды купил рыбу, но есть её не смог — она воняла и была, предположительно, испорченной. В связи с этим город Барабинск не вызывал у меня никакого доверия. А тут ещё этот эзк...

Пришлось обмануть доброго брата:

— Не-а, я до Уренгоя.

Я был уверен, что знания моего «дружище» о железных дорогах не позволят ему идентифицировать мою наглую ложь — ведь поезд до Н. Уренгоя вполне себе идёт через Барабинск.

Дальше разговор ушёл в сторону «у него там, у Барабинска, кореш вышел». И от меня требовалось совсем немного — «подсобить до билета». Но подсобить я не мог. Я тупо не знал, как это делается. Ну не деньги же давать, правильно?..

Следовало резонное обещание того, что «братья тебя не забудут». Мне вообще не хотелось, чтобы эти братья что-то знали обо мне, не то что помнили. Поэтому аргумент не сработал.

— Чо, и полтинника нету?

— И полтинника у меня нету.

— Пятьдесят рублей чо, такие неподъёмные деньги?

— Ну вот и поднимай где-нибудь в другом месте, а я уже на поезд опаздываю!

Времени, действительно, оставалось мало. Тем временем братан смотрел пронзающим взглядом, пытался что-то найти у меня в глазах. А я улыбался. Отважной улыбкой. Подкреплённой бесстрашием людного места.

Пришлось моему теперь уже пастуху — ему почему-то показалось, что я бык, и он решил проверить это, задав вопрос «Ты чо, бык?!» — отдать инструмент и отступить. Правда, он это делал как-то нехотя. Поэтому я сам

отобрал гитару и поспешил на поезд.

Тяжесть сумки не позволяла сильно спешить. И, видя это, ээк пошёл рядом — как бы разделяя мой долгий путь до вагона. На протяжении этих трёхсот метров он превращался то в брата, то в друга, то снова в пастуха, затем в кинолога, потом в доктора-психиатра, утверждавшего, что я дурак. И наконец, возле перехода, это многостороннее существо соизволило меня покинуть. Что было, прямо скажем, весьма кстати. Потому что количество его междометий всё больше и больше портили моё и без того нехорошее настроение.

Он ушёл из моей жизни.

А я понадеялся, что братан в Барабинске сидит за несанкционированную торговлю отравленной рыбой.

Вот так вот всё начинается. Что-то не по-книжному...

Какой красивый юношеский слог. Претензия на литературу. Неужели это я так писал? Недурно. Есть ощущение, что сегодня я стал писать гораздо хуже. Клиповый век, тупеющий мозг, жизнь — вечная переписка в чате... До добра она меня в плане красоты мыслизложения точно не довела.

Глава 2. Дорога, водка и Тюмень

В моём блоке плацкарта — или отделении, секции, не знаю, как эта будка называется, — сначала не попало людей. Еду в гордом одиночестве. И хорошо, и грустно. Никто не мешает, но и поговорить не с кем. А я люблю дорожные знакомства.

На одной из промежуточных станций ко мне подсел сосед. Даже не подсел — его именно затащили и положили на нижнюю полку. Пьяный вусмерть, весь какой-то раскисший, без движения. Бельё ему стелить не стали. Так что он лежит, храпит, пускает слюни. Я на него посмотрел и решил: ладно, раз уж нас свела дорога — будем спать. Под звуки храпа я растворился в геолого-романтических грёзах о предстоящей работе. Уснул.

Спустя несколько часов меня кто-то потрогал за рукав. Я открыл глаза — он сидит напротив и смотрит. Лицо опухшее, глаза красные. Говорит:

— Братан... это у тебя гитара?

Я киваю.

— Сыграй мне чего-нибудь.

Я посмотрел на него и понял: отказывать нельзя. Не потому что страшно. А потому что так просил, как будто это единственное, что держит его в живых. Я внимательно на него посмотрел, пытаюсь угадать, какая песня ему

понравится. Решил сыграть «Владимирский централ». В точку.

Лучики тепла ещё не успели доверчиво глянуть в моё окно, а он начал плакать. Такой у него тяжёлый взгляд: вроде бы слушает песню и на тебя смотрит, а на деле глубоко в себя.

Послушал, поревел. Я закончил, ожидая комментариев. А он — не говоря ни слова — достал из-под полки бутылку водки. «Пшеничная». Открутил крышку, зачем-то раскрутил бутылку, чтобы появилась воронка, и как-то по-своему разлил в два стакана по двести пятьдесят. И тут же бахнул залпом своей. Далее смотрит куда-то внутрь моих глаз — мол, я?

Я пригубил. Водка паршивая. Впрочем, я и не то чтобы спец.

И он снова... заплакал. А потом улёгся и захрапел. Это был чудесный пируэт неопишуемой хореографии. Настолько плавный переход от слёз к храпу, что вот просто не опишешь. И ни слова больше.

Через несколько часов он снова меня разбудил. На этот раз он хотя бы использовал речь:

— Брат, красиво так поёшь. Сыграй ещё что-нибудь.

Я задумался и решил сыграть «Снегири» Трофима. На фразе «Я сегодня ночевал с женщиной любимой» он опять рухнул в слёзы. Опять — стакан двести пятьдесят. Опять — резкий переход от мужской слезы в баритоновый храп.

Итого так было трижды. Ни слова больше он не сказал.

Позже кто-то рассказал, что он был начальником ЧОПа где-то на юге. Говорят, у него погибла вся группа. Он остался один. Бежал. Сейчас едет в родной город к матери.

А я добрался до Тюмени. Логистика такая, что надо приехать сначала сюда, а дальше уже на другую ветку — ту, что держит направление на крайний русский север.

Я тогда воспринял это как типичную поездную историю. А сейчас вспоминаю — и у меня просто стынет внутри. Тогда мой разум был чист, как лист. Сейчас я бы, наверное, просто охренел. По крайней мере «пшеничную» пить бы точно не стал. А может, и полицию бы вызвал. Читаю это — и не могу отделаться от ощущения, что этого не было. Что это не со мной, не про меня, а просто про какую-то другую жизнь, небьлицу. Наверное, столько времени с той поры утекло, что я не могу разглядеть в том мальчишке себя. Горькое на вкус осознание.

14.06.2006. Всё-таки Тюмень город так себе.

Приехал и не смог взять билет до Уренгоя на плацкарте. Еле как выбил купейный билет на утро следующего дня. Короче, пролетел я по деньгам, да и по времени — никто дорогу не оплатит мне, и ждать никто не будет. Но ничего, что-нибудь придумаем.

Причём я знаю, что город Тюмень абсолютно точно не виноват в том, что в нём совсем нет билетов для меня. Но он абсолютно точно виноват в дожде, в неприветливости прохожих лиц, в огромных очередях у касс, в дурацком своём названии.

В общем, взял я койко-место в привокзальной гостинице — 220 рублей. Сейчас там и лежу.

Поразительное слово — «ремонт». Мне сказали, что тут есть ремонт. Старательно ищу глазами хоть одно место, которое можно назвать словом «ремонт», но здесь его нет и не было. Либо ремонт отсюда убежал, либо Ремонт — это храпящий, как пушка, слева от меня мужик кавказской национальности. Имя, конечно, странное, но это хотя бы сможет оправдать утверждение о присутствии Ремонта в восемьдесят восьмом номере.

Хочется чего-то такого сделать. Такого хорошего, чтобы в Тюмени лица людей стали добрее. Мне кажется, для этого надо как минимум перекрасить вокзал, потому что он серый и некрасивый, сколько бы его тут ни

реконструировали.

Тем временем Ремонт перевернулся во сне и перестал храпеть.

Так хочется иногда увидеть себя со стороны, потому что я совсем не знаю, какой я. Много есть зеркал на свете, но все они разные и показывают по-разному. Есть хорошие зеркала, а есть плохие: в хороших ты себе нравишься, в плохих — нет. Наверное, зрение у всех людей устроено по-разному, и они видят тебя, как ты свои многочисленные отражения в разных зеркалах. И что уж говорить о том, что если ты сам себе в некоторых отражениях не нравишься...

Сумбурные мысли лезут в голову, потому что впереди сплошной сумбур. А тут ещё Ремонт проснулся и что-то бормочет не по-нашему.

15.06.2006.

Вчерашний день принёс мало положительных эмоций. Зато я смог посмотреть в соседней комнате отдыха футбол Испания — Украина. Соседи тоже ехали на вахту в республику Коми и являлись классическим-преклассическим кузбасским быдлом. После вопроса об участии сборной Белоруссии в ЧМ-2006 я в этом окончательно убедился:

«А что (чо)? Раз (ха-блядь) хохлы (ха-блядь) играют (ха-ха-ха, у бля)!?»

Но в общем-то ребята не злые. Просто страшные и некрасивые.

Сосед Ремонт всю ночь храпел по-нерусски и мешал спать. Пришлось кинуть в него пластиковой бутылкой, что дало мне возможность побыть в тишине где-то двенадцать или пятнадцать секунд. А сейчас утро, и надо идти на улицу, садиться на поезд. Вышел — сел.

Стук колёс принёс мне новые мысли: «А не такой уж и плохой этот город Тюмень. По крайней мере, теперь, когда я из него уезжаю, он мне очень нравится».

Родился радостный стих про Тюмень:

Солнце сияет ярким огнём, божжи — все спрятались,

но ненадолго — появятся днём.

В поезде попался неплохой сосед, не очень русский, но добрый, милый дядька, а значит русский. Но всё равно как-то очень странно растёт плотность кавказцев по дороге на РУССКИЙ Крайний Север. Сосед ездил в Питер, хотел купить машину, но так и не смог определиться между Lexus RX330, Infiniti QX-45 и Mazda RX-8 — вот такой вот разброс предпочтений. Теперь он ждёт Тобольска, ведь там: «Надо купить что (чо)-нибудь (нть) поесть (пэрекусыть)».

А я тем временем решил заняться подсчётом количества дней, которые я прожил. Нетрудные математические расчёты, с учётом високосного года, дают результат — 7099 дней. Это много. Уже много. Это уже много. Уже это много. Если бы я каждый день делал хорошее дело, то за свою жизнь я уже бы сделал 7098 хороших дел, ведь когда я родился, то был совсем маленький, весил 4250 г (!:)), орал и никому не мог сделать хорошего дела. Кстати, хоть убей, но я очень отчётливо помню, как я лежал в утробе матери и маялся от скуки. На следующий день я уже был милый, сухой и даже, как говорит мама — они все так говорят, — очень красивый. Мама смотрела на меня и радовалась. Ну чем не хорошее дело?

А города различные встречались, в них люди начинались и кончались...

Наш поезд пропуская всё больше и больше своих металлических собратьев, тем самым отставая от расписания на вполне приличный срок.

Дорожные разговоры всегда интересны и всегда ни о чём. То есть они, конечно, о многом, но редкая польза от этих разговоров заставляет сравнить их с прочтением бесполезных детективов и прочей беллетристики. Вот и мой сосед почему-то раскрылся мне и рассказал о своей жизни на Севере. Много выложил он интересной информации: о том, что занимается он коммерцией, а в частности продаёт колёса наших любимых узкоглазых производителей; о том, что крышует его блатной дагестанец по прозвищу «Рыжий»; и что по

дороге домой он заезжал в Свердловск и изменял своей жене...

Потом я встретил в тамбуре паренька лет двадцати трёх, который работает электриком и любит брать то, что плохо лежит. Лично мне показалось, что плохо лежат его мозги, и надо бы ему их взять и положить получше. Родом он был из города Новый Уренгой, и, к моему сведению, в этом городе коробок анаши стоил 5000 рублей, а в Тюмени — 250. А также в New-Уренгое полно «чехов и дагов», так что они, русские, с ними воюют и... вот так вот и уживаются.

Деревья убавляли в росте, а поезд нёс меня неведомо куда...

а 3. Коротчаево, саратовцы, футбол, газовая столица и первые звонки

16.06.2006.

Белые ночи. Первый раз в жизни я их увидел. И знаете что? Ничего. Ничего в них нет особенного — светло, вот и всё. А ещё я понял, что на Севере серый — очень модный для вокзалов цвет: Сургут, Тобольск, Пыть-Ях и прочие города.

Сегодня утром было очень холодно, и я ничуть не пожалел, что набрал с собой большую сумку тёплых вещей.

А вчера взял у соседа по купе симку и позвонил в «ЯмалПетроСервис». Там мужик, когда узнал, что я уже еду, многозначительно сказал: «Весело...»

Что именно ему показалось весёлым, мне ещё только предстоит узнать.

17.06.2006 — 20.06.2006.

Долго не писал, потому что находился на квартире в городе Ст. Уренгой, где ровно три дня занимался бесполезным делом, так как начальнику не нравилось, что деньги мне за вахту идут, а я ничего не делал. Вследствие чего мне и ещё четырём студентам-стажёрам — таким же, как я, только жителям города Саратов — пришлось резать бумажки, подметать песочный двор и таскать туда-сюда поломанные приборы.

Ох уж эти мне ИБД. Почему у нас в стране людям совершенно необязательно видеть результаты деятельности, но очень хочется видеть саму деятельность?

Но обо всём по порядку. Как только я вышел на вокзале станции Коротчаево — Ст. Уренгой, — толпы таксистов окружили меня, и все они были очень наглые и хачеки. Хотя, конечно, до новосибирско-толмачёвских по наглости они не дотягивают. Стало как-то не по себе, но деваться некуда: пришлось ехать, поскольку весь общественный транспорт этого города являл собой один-единственный бело-жёлтый пазик и был набит до отказа «более местными» людьми.

Когда читаю, как легко я тогда швырялся словом «хачек», — чувствую щемление. Тогда в этом не было злобы. Просто не было рамок. Мы так говорили. Это был язык улицы и эпохи. Сейчас мне неловко. И да: сейчас бы я так не сказал — не из страха, а из уважения.

Говоря «до отказа», я подразумеваю тот факт, что попытался проникнуть в это чудо советского производства приблизительно семидесятых годов выпуска, на что гораздо более чудесное другое чудо тоже советского производства и тех же годов обрушило на меня поток неаргументированных обзывательств и других народно-фольклорных новоязов. Мол, куда это я, «свистюк» — «свистюк» это моё изобретение, рифмоэвфемизм, — лезу, ведь этот комфортабельный ПАЗ предназначен для работников абсолютно не моей конторы с «малогабаритным» грузом, а я со своей «везучей» гитарой должен «съезжаться на буй», пока не дали... ну и так далее.

Мне показалось, что женщина недвусмысленно намекает на некую опасность и, можно даже сказать, пытается меня от неё уберечь. Так что я поспешил ретироваться и воспользоваться услугами местного такси.

...Всё-таки я зря назвал пазик единственным общественным транспортом города. Оказывается, такси здесь тоже своего рода общественный транспорт. Когда я подошёл и сказал адрес, водитель кавказского происхождения

закинул мои вещи в багажник и попросил занять место в машине. Я осуществил его просьбу и стал ждать, когда же отчалил наше средство передвижения под цифрой девять, ну или названием «девятка». Этого не происходило в течение пятнадцати минут, что стало нехило волновать мои нервы, но таксист как ни в чём не бывало ходил кругами вокруг вокзала и не обращал на моё тревожное лицо никакого внимания.

Вдруг на вокзал подъехал ещё один поезд, из которого вышли вновь прибывшие работники, и среди них он отловил для меня ещё двух спутников в дорогу. Я сначала подумал, что это его друзья, которых он дожидался, но потом понял, что они такие же пассажиры, как и я. Просто такси здесь хоть и берёт огромные деньги, но по одному пассажиров не возит. В общем, это не такси, а такая дорогая мини-версия пазика.

С большим трудом доехал до своей конторы. Оказалось, что в конторе никого нет — «да и вообще их что-то давно не видно», со слов старой пенсионерки, убиравшей пустующее здание по соседству. Что-то где-то сжалось внутри меня. Но, слава богу, добрая пенсионерка откуда-то из кармашка выудила номер телефона квартиры, где базируются вахтовики.

«Чудо!» — воскликнул я про себя и устремился.

На квартире я встретил много разных людей, хотя она была двухкомнатная, и я с первого взгляда не мог понять, как здесь могут поместиться столько мужиков, хотя и таких разных. Мужики — они ведь взрослые и совсем не должны жить, как мы, пацаны, в общежитии. Все эти люди были очень интересны для меня, но, видимо, в обратном направлении интерес не распространялся, и никто особо не желал мне ничего рассказывать.

Тут они все стали собираться играть в футбол и случайно взяли меня, спросив при этом:

«Ты хоть раз пинал мячик? Вообще-то тут кто с земли приезжает, долго не выдерживает — воздух разряженный».

А мячик пинал, и довольно много раз. Да и воздух не казался мне каким-то необычным. Играть пришлось против начальства, и на воротах команды соперника стоял гендиректор нашей фирмы. Я оказался лучшим футболистом среди всех и довольно легко забил много голов директору. И так и смяк, и с удара, и с выходов. Сказать честно, моя команда была объективно сильнее, хотя, скорее всего, единственным в ней дураком, который не учитывал субординацию, был я.

Где-то к середине матча я стал бить очень сильно, в результате чего ко мне подошёл старший товарищ из моей команды и попросил быть поаккуратнее. А я не стал спорить.

Апогеем матча явился мой сильнейший удар в ворота генерального директора ООО «ЯмалПетроСервис», попавший ему прямо в рожу и выведший его из сознания на две минуты. Директор упал, и к нему устремились все добропорядочные субординированные подчинённые. Очень быстро устремились — побежали спасать его и себя. Директор был в очках и имел билеты следующим числом на курорт со всей семьёй. В результате удара у него на лице образовались два кровоподтёка около носа, и все перестали играть в футбол.

Надо сказать, директор оказался мужиком нормальным и ничего даже мне не сказал, а половина его очков осталась в спорткомплексе.

Сейчас я вспоминаю тот футбольный матч — как я бил в полную силу, не думая, кто там передо мной: начальник или президент. И понимаю: я просто не умел иначе. Вижу цель — бью. Не потому что дерзкий. Потому что прямой. Потом, спустя годы, я стал «гибким». Научился обходить углы, сглаживать. Это помогло мне в бизнесе и переговорах. Но честно — я скучаю по той прямоте. В ней было что-то настоящее. А сейчас я иногда чувствую себя слишком обтекаемым и слишком удобным, и от этого не по себе.

Познакомился я потом с ребятами из Саратова. Они оказались забавными ребятами, и мы стали пить. Пили долго, а ночь не наступала. Теперь их

отправили в город Ноябрьск. А меня — в газовую столицу Севера, город Новый Уренгой...

20.06.2006.

Поляки не вышли из группы, так им и надо — не фиг было эквадорцам проигрывать...

Находясь в Ст. Уренгое, я взял у Серёги из Перми телефон его землячки, которая находилась на практике в Н. Уренгое. Познакомился с ней по смс и по приезде договорился о встрече. Как раз сегодня эта встреча случилась.

Такая романтика сейчас почти невозможна. Смс, белые ночи, чужой город, девушка едва знакомая, которая ведёт тебя по улицам, — и это нормально. Сейчас вокруг вроде бы больше контактов, но меньше таких прозулок.

Да нет, не всё так плохо. Конечно, она оказалась не очень симпатичной и, мягко говоря, не в моём вкусе, но благодаря отсутствию женского внимания ко мне около шести дней мы очень даже мило пообщались в какой-то недорогой кофейне, где растворимый кофе стоит минимум пятьдесят рублей. Просто маккофе.

Затем она показала мне город Н. Уренгой в три часа ночи. Ах эти ночные огни. Куда же они делись? А нету. Светло. И жизнь как бы совсем не прекращается. Не было бы у меня часов — я бы ни за что не отличил дневной город от ночного.

В общем, она показала мне две главные достопримечательности города — как ни странно, ими оказались офисы. Офисы двух крупных дочерних компаний Газпрома: «Уренгойгазпром» и «Ямбурггаздобыча». Эти два огромных здания действительно оказались произведениями искусства со своими парками и фонтанами, и флагами всякими красивыми. Представляю, как местная молодёжь отдыхает редкими летними вечерами в парках Газпрома.

Забавно, как тогда на меня действовали фасады: фонтаны, стекло, большие логотипы, дорогие автобусы. Позже в моей жизни будет очень много офисов, переговорных, компаний, красивых презентаций и людей в дорогих пиджаках. И я слишком хорошо пойму, что внешний масштаб почти ничего не говорит о человеческом качестве среды. Но тогда мне казалось: если у компании такие здания, значит внутри у неё всё серьёзно и правильно. Молодость вообще очень доверчива к декорациям.

Я проводил эту девушку до её места жительства и стал ловить такси до своего места жительства.

Что самое удивительное, так это то, что огромная и жуткая инфляция затронула здесь все отрасли, кроме транспортной. Оказывается, вся «нерусскомордичная» часть населения — а это около пятидесяти процентов, — подрабатывает в любое время суток частным извозом, и благодаря этому поездка в любую точку города стоит не больше и не меньше пятидесяти рублей. А это, уважаемые товарищи, в тех краях целая пачка «Мальборо».

Автомобили в этом городе можно было смело поделить на два класса: стрёмный класс и эксклюзив. К стрёмному относились все изделия российского автопрома плюс некоторые дешёвые иномарки, обязательно праворукие. Эксклюзив же был представлен в первую очередь автомобилями, кучковавшимися возле двух распрекрасных офисов Газпрома, ну и служебными автобусами одноимённой компании. Любая российская футбольная команда ниже премьер-лиги позавидовала бы таким служебным автобусам.

Таких эксклюзивных машин, как там, я больше не видел нигде. Казалось, что все новейшие достижения мирового автопрома тестируются сначала здесь, а уж потом растекаются по просторам родины-матушки.

Одним словом, поймал я машину первого класса с хачеком внутри и попросил за полтинник довезти меня до пункта назначения. Он согласился, и мы поехали. Ехали мы около часа, что начало наводить меня на мысли о том,

---

что я практически в чеченском плену, но нет — хачек оказался добросовестным и привёз меня куда нужно суперкольными путями.

21.06.2006.

Неожиданно сегодня днём в уютную квартиру Н. Уренгоя зашёл начальник и сказал, чтобы я собирался на буровую.

Это было роковое событие, определившее мой ужасный досуг на ближайшие шестьдесят шесть дней.

Такого быстрого поворота событий я не ожидал, поэтому, не успев купить средство от комаров и мошек, а также забыв свою посуду, я устремился покорять газовую промышленность страны непосредственно на месте преступления.

Направили меня на Северо-Есетинское месторождение. Но по пути нужно было заехать на другое месторождение, бурение которого компания «Ачимгаз» заказала у немецкой компании «Дойтек». Соответственно, почти всё население буровой было иноязычным. Благодаря этому на буровой всегда поддерживался должный порядок — немецкими же супервайзерами, — стояли красивые чистые вагончики для жилья, была бесплатная столовая, душ, баня, спутниковое телевидение, коферум. В общем, круто — можно жить.

Но мы побыли там около тридцати минут и устремились дальше.

Это наше путешествие от «Ачимгаза» до Северо-Есетинского месторождения можно сравнить с мытьём в душе. Капли попадают тебе на голову и по спине следуют по направлению к Северо-Есетинскому месторождению. Если у вас болит зад, можете смело и не боясь говорить: «У меня болит Северо-Есетинское месторождение». Если мимо прошла девушка с большим задом, то невоспитанные парни обычно кричат: «Вау. Вот это Северо-Есетинское месторождение».

Мою бурную фантазию добил шеф, сказав, что это месторождение является одним из лучших для жизни по условиям.

Если это одно из лучших, то дальше мне уже даже интересно.

Глава 4. В институте про это не рассказывали

22.06.2006.

Я приехал на скважину. Местные аборигены величают её кустом. И такая обуяла меня обида на моё высшее учебное заведение.

А почему?

Да потому что в институте про это не рассказывали.

Разложу по полочкам.

Почему-то никто не упомянул, что на буровой есть такая вещь, как отжиг попутного газа. Если коротко: скважина газоконденсатная, из неё вырывается и нужный газ, и всякий лишний попутный, который никому не нужен. И вот чтобы его не складировать и не утилизировать, его просто жгут. Постоянно. Круглосуточно. Прямо рядом. На полную катушку.

Этот пылающий факел — ни хуя не красивый вечный огонь. Это конкретный ор в ухо. Это такой гул, будто ты живёшь в двигателе Ту-154. Не вблизи. А внутри. Факел стоит в каких-то пятидесяти метрах от нашего вагончика. Мы ближе всех к этому огню. И вот этот постоянный, абсолютно одинаковый звук давит в уши, в голову, в грудную клетку. Он не стихает. Никогда. Ни днём, ни ночью. Его невозможно игнорировать. Он становится частью всего.

Ты открываешь рот, чтобы сказать что-то соседу, и понимаешь, что разговаривать тут вообще нельзя. Тут все орут. Люди здесь кричат не потому, что злятся, а потому что иначе не услышат друг друга. Представьте себе всех людей, сидящих на этой буровой: они вокруг просто ходят и орут друг на друга. Вот в таком мне приходится жить.

Второй фактор — мошкара. Это не просто комары. Это адский организм, коллективный, как улей. Она везде. В носу, в ушах, в шее, в глазах. Сквозь одежду. Под кожу. Ты выходишь на улицу — и через пятнадцать секунд уже облеплен. Местные мажут лицо чем-то похожим на мазут или ходят завернутые как мумии. Без накомарника — смерть. Я не шучу.

Третий фактор — полярный день. Белые ночи. Только знаете, почему «белые»? Потому что белой горячкой пахнет. Это только в Питере белые ночи — красота и романтика. Здесь — хрен. В университете нам рассказывали про него, конечно. Но почему-то забыли уточнить, что это полный пиздец. Светит. Всё время. Не чуть-чуть светит, а так, будто тебя допрашивают. И это ощущение — что ты никогда не бываешь в темноте, никогда не один, никогда не дома, — оно жрёт изнутри. Ты ложишься спать в три ночи — за окном день. Просыпаешься в семь утра — за окном тот же день. Свет бьёт в лицо всегда. Всегда. Тело не понимает, что происходит. Ты вроде бы устал, а сна нет. Вроде бы день, а по ощущениям уже третий подряд. А рядом всё ещё орёт этот блядский факел. И тебе хочется просто темноты. Хотя бы часа на два. Тишины. Хотя бы минут на десять. Не ада. Хотя бы на один вечер.

Четвёртый фактор — сортир. Это не удобства. Это отдельная будка с дырой. На улице. И поход туда превращается в военную операцию. Все совершают эту военную операцию, а потом чешут жопу. Романтика. Терпишь два-три дня. Готовишься. Выбежал на спринт. Влетел. Снял штаны. Всё рассчитано до мелочей. Иначе сожрут яйца. Быстро сделал своё. И обратно — уже почесывая задницу, потому что мошка успела и туда залезть. И вот ты сидишь в вагончике на краешке койки: жопа чешется, уши гудят, лицо облеплено, глаза красные, свет хлещет в окно. И ты думаешь: «Лучше в

следующий раз поем поменьше».

Пятый фактор — жильё и работа. Когда меня завели в «наше жильё, оно же рабочее место», я просто охуел. Вагончик — микробудка, гробик на колёсах, чуть увеличенный. Нас трое. Кроватей — две. Надо спать посменно. Матрасы — клоповая простыня. Воздух — вязкий. Запах — как если бы масло, носки и кирзовые сапоги решили пожениться.

Но это всё ладно.

Самое хреновое — это обман. Мне обещали, что меня введут в должность. Что будет геолог на станции, который расскажет, как всё работает. А оказалось, что он уехал за три дня до этого, и никто это не проверил. В итоге все ждали геолога, а приехал девятнадцатилетний стажёр. И они охуели. И я охуел.

Мне дали какую-то толстую кипу инструкций А4. И мне пришлось экспресс-курсом всё осваивать просто по инструкции. В институте нас к этому пиздец как не готовили.

Самое страшное, что я не запаниковал. Не послал всех к чёрту. Я начал делать. Потому что считал: так и должно быть. Мне казалось, это и есть взрослая жизнь — справляться молча. А сейчас я думаю: как жалко того пацана. Никто не должен вот так входить во взрослость. Но, видимо, так угодно было судьбе. Кто-то на небе не хотел меня видеть нефтяником.

Глава 5. Постепенно привыкаешь

24.06.2006.

Факел гудит — ну гудит. Светит — ну светит. Мошка жрёт — такова судьба. Человеческий организм — гениальная адаптивная тварь. Даже к адским условиям приспосабливается.

Живу в вагончике. Нас трое. Тесно. Всё облезлое, старое, всё немного воняет. Но не умираем.

Мне попались очень «интересные» соседи: отец Геннадий и сын Сергей — технологи. Отец стажирруется у сына, который уже целый год работает на российском Севере. Сам отец по образованию лётчик-инструктор гражданской авиации. В пятьдесят лет лётчику начислили пенсию две тысячи рублей в месяц, тем самым сделав из него лётчика-бурильщика. Ну что сказать? Россия...

Этот задорный бурилётчик любую проблему в нашем быту списывает на наше необъятное государство. Так вот, это самое государство вытерло об него ноги и об нас всех вытрет, только надо немного подождать. Но мы, молодёжь, ничего этого не видим и ничего не делаем.

В первый день нашего совместного труда он мне выдал эту тираду на полтора часа. Засыпал я в ту ночь с огромным желанием умереть или

провалиться сквозь землю, ведь шум от факела был просто невыносимым: он пронзал каждый кончик моего мозга. В это время рядом сидел стажёр-бурилётчик, смотрел на монитор и с очень умным видом ничего не понимал. Так красиво ничего не понимать может только истинно русский человек.

Тем временем матушка Россия содрогалась при каждом непонятном изменении графика на мониторе, ведь смысл этого изменения был понятен лишь сыну, а тот спал. И во всём этом, естественно, была виновата Родина-мать во главе с Путиным.

На самом деле хороший он мужик, я понимаю его и сочувствую, но моя психика, раздражённая шумом всё того же факела, содрогается не меньше матушки России при любом упоминании о последнем. Метафоры этого человека навсегда останутся в моей душе загадкой. Ну не может быть болтик, который куда-то завалился за стол, виноватым во всех проблемах российского народа. Хотя, как оказывается, очень даже может. Для этого всего лишь нужен очень простой логический ход. Болтик запропастился — виною этого происшествия служит наше российское раздолбайство, которое у нас в крови, и следовательно никогда мы, русские, хорошо не заживём, ведь все мы раздолбаи. И лучше бы мы, такие раздолбаи, проиграли на хер войну немцам — вон они как хорошо живут...

С мыслями о хорошей немецкой жизни я провалился в пятнадцатиминутный циклический сон, потом сто раз просыпался и слушал истории о разных хороших народах мира, которым надо было проиграть войну.

Кстати, чтобы вы понимали, почему я называю Геннадия бурилётчиком, был ещё один эпизод. В один из дней возле нашего вагончика вдруг что-то так зашипело, что у меня внутри всё неприятно приподнялось. Я, как человек молодой и пока ещё недостаточно напуганный, просто вышел посмотреть, что там происходит. И в этот момент увидел Геннадия. В одних трусах, с паспортом в руке, он нёсся от буровой с такой скоростью, будто

под ним снова самолёт и надо срочно брать высоту. Мужу под шестьдесят, а разогнался так, что я ещё секунду просто стоял и любовался техникой бега.

Потом уже объяснили, что ничего смешного в этом нет. На Севере буровые и вспыхивают, и хлопают так, что потом нечего вспоминать. Просто я этого ещё не знал. А Геннадий знал. Оттого и бежал грамотно — не как паникёр, а как человек, который уже понял про жизнь несколько очень неприятных вещей.

Я теперь понимаю, что в истерике Геннадия была, по-своему, правда. Он хотя бы выпускал пар. А я... я научился всё глотать. Иногда думаю, что стал умнее, а иногда — что просто сдулся.

25.06.2006.

Вчера был интересный и забавный день. У нас сломалась аппаратура, а посему вызвали специального человека — наладчика. Приехавший мужик оказался очень забавным дядькой тридцати семи лет от роду по имени Эдуард. Он обладал очень тонким голоском и не обладал достаточными познаниями в области техники. В этой конторе его мало кто считал ценным кадром. Лучше бы он продавал одежду в бутике. Так вот, именно в этот день Эдуарду стукнуло тридцать семь лет, и его поздравили интересным заданием.

И, как обычно, не заладилась у него починка. И не вернулся он в штаб в положенный срок, поэтому оттуда позвонил начальник и потребовал к аппарату Эдуарда. Эдик подошёл — у нас аппарат, по которому можно говорить только громкой связью:

— Да, Юрий Анатольевич?

— Эдуард, ты почему ещё не приехал?!

— Ну тут возникли некоторые осложнения...

Далее случилась некая перебранка с руководителем, и как следствие:

— Эдуард, вечно у тебя не всё в порядке, достал!

— Да пошли вы... пошёл ты... пошёл ты на ХЕР!

Очень громко крикнул эту фразу Эдуард и сопроводил своё движение резким движением головы по направлению к аппарату, как будто старался не промазать в микрофон и передать как можно больше эмоций человеку на другом конце провода. Далее послышались гудки, а Эдуард разочарованно отметил своим писклявым голоском: «Вот так вот меня начальничек поздравляет». Далее он удалился чинить термодатчик.

Но это был ещё не конец весёлого рабочего дня. Геннадий — отец-бурилётчик — вконец обиделся на государство и на все его проявления в виде окружающего мира. Геннадий сошёл с ума: он громко орал на всё, что попадалось под руку, то на сына, то на компьютер, а мы с Серёгой сидели и молчали, потому что делать было больше нечего. Это продолжалось часа два, и раздосадованный батя, остановившись на мысли, что хер он останется работать на этой буровой, устремился в баню. Но баня его отнюдь не успокоила, он всё равно вернулся очень злой. Сын уже очень разозлился на всё это, но продолжал молчать. В этом молчаливо-злом состоянии он удалился спать, оставив меня наедине с батькой.

А я взял гитару и стал тихонько играть. Случайно из-под моих рук вырвался экспрессивный и маленько громковатый аккорд, спровоцировав тем самым следующий диалог:

— А между прочим там Серёга спит!

— Дак я тихонько и играю.

— Тихонько?! Ты что сюда на гитаре брынчать приехал или работать?

Слово «брынчать» задело моё самолюбие и деревянное самолюбие моей синенькой китайской гитарки, так что я не выдержал:

— Да вы-то сами весь день брынчите!

— А я между прочим всю ночь не спал, а ты спал. Вот не поспи с моё...

— И наш с вами сейчас разговор в десять раз громче моей гитары!

На этом конструктивная часть перебранки была окончена, далее мы ещё маленько поболтали, и он сердито отвернулся, а я ушёл к парню, с которым познакомился вчера. Звали его Кирилл. Он был из Уфы, работал то ли телеметристом, то ли по растворам — я пока путаюсь в этих службах, — жил один в большом вагончике и был забавным парнем.

В тетради я правда мог путать службы — я тогда путал вообще всё. Но Кирилл запомнился не профессией. Запомнился тем, что в его вагончике было по-человечески. И тем, что рядом с ним я хотя бы иногда переставал быть стажёром, которого сейчас съедят, и становился просто человеком.

Глава 6. Мини-государство на кусту

26.06.2006.

Впервые за всё это время чувствую, что начинаю понимать, как здесь всё устроено. Буровая — это не просто вышка, торчащая в небо. Это целый организм, где каждая деталь и каждый человек выполняют свою роль.

Кустовое бурение — это когда с одной площадки бурят несколько скважин. Представьте себе паука, плетущего сеть: устья скважин находятся рядом, а их стволы расходятся в стороны, достигая нужных точек под землёй. Такой подход позволяет экономить время и ресурсы: не нужно каждый раз переносить всю установку на новое место.

Но это не значит, что буровая стоит на месте. В пределах куста она переезжает с точки на точку. Я сначала думал: ну как, на колёсиках что ли? Оказывается, всё серьёзнее: домкраты, салазки, перетяжки, люди, которые в грязи делают из железного монстра аккуратный шаг на десять метров. Это выглядит как гигантский робот, который двигается медленно и страшно. И если ошибиться, задавит не только ноги, но и карьеру.

Теперь по команде. Есть заказчик — к примеру, условный Газпром. Так вот, как я понял, этот условный Газпром сам на буровой палец о палец не ударяет. Они нанимают подрядчиков и сервисные службы и складывают из них буровые как из LEGO.

Буровики — те, кто непосредственно бурит. Сердце всей машины. Бурильщик и его помбуры, помощники. Помбуры — это мужики, которых мне жалко. Адский труд за самые небольшие деньги. Но при этом они шутят громче всех и держат весь этот цирк на себе.

Технологи сидят рядом с нами и следят за параметрами: давление, нагрузка, расход, режимы. Они считают свечи. Свеча — это, как я понял, не по-церковному: это три буровые трубы, собранные в палку метров на девять.

Геологи — это я. Мы отслеживаем шлам, грязь, что поднимается с раствором из забоя: проверяем карбонаты, отмечаем породу, отслеживаем газ, который выходит. С нами сидят технологи — мы как будто одна голова на троих, только каждый смотрит в свой монитор.

Растворщики — алхимики. Их задача — чтобы буровой раствор был нужной плотности и вязкости. На деле они мешают бочки с чем-то подозрительным, как будто готовят борщ для скважины.

Телеметристы — тёмные волшебники. Они следят за направлением скважины. Потому что скважина не вертикальная. Сначала бурят вниз, а потом — поворот и вперёд. Это называется наклонно-направленное бурение. И без телеметрии это всё превращается в рулетку.

Супервайзер — человек от заказчика. Смотрит, чтобы все работали, ничего не сломали и можно было сдать объект без скандала. По сути, генерал: вроде бы стоит в стороне, но его армия всегда за ним.

Поварихи — отдельный пантеон. На буровой женщина редкость, и в основном ими являются поварихи. Поварихи красотой не блещут. Но с каждым новым днём на буровой становятся красивее. Это такой вахтовый закон, от которого немного стыдно.

А однажды ночью этот закон показал себя совсем не смешно. Несколько перебравших мужиков ломились к поварихам в вагончик так, будто там не люди, а последний живой кусок цивилизации. Крики, мат, пьяный напор, какое-то тупое коллективное озверение. Это продолжалось долго, слишком

долго. Потом нашлись более трезвые, нашли охрану, как-то всё это уgomонили, но ощущение осталось мерзкое. Потому что в одном и том же месте могут жить и мужики, и зверьё, причём иногда в одном и том же человеке.

И ещё одна важная разница. Если подрядчик западная компания, у них цивилизные условия: живут в вагончиках по одному, оборудование навороченное, каски блестят, процессы всякие, спутниковый телефон приличный, даже интернет какой-никакой есть. Если же русская компания — а я как раз попал в русскую, — пиши пропало. Ну, я весь ад уже описал, повторяться не буду. Скажу только: в аду тоже бывает человечность.

Когда я это перечитываю, мне неприятно. И не из-за матов и грязи. А из-за того, как тонко там проходит граница между мужиками и зверьём. И как легко вахта и алкоголь эту границу стирают.

Я ушёл из нефтянки в 2006-м и туда не возвращался. Но у меня осталось много друзей-геологов. И они говорят: сейчас всё лучше, чем было тогда. Не рай, конечно, но того пиздеца в большинстве мест уже нет. И это, честно говоря, отрадно.

Глава 7. Прихват. Рыбалка на миллион

26.06.2006 (вечер).

Сегодня произошло то, что теперь звучит коротко: прихват.

Я как раз думал, что начинаю понимать, как здесь всё устроено. Начал отличать людей по голосам. Понял, где у нас что лежит. Научился быстро мыть шлам так, чтобы не выглядеть совсем идиотом. И вот — бах.

Прихват — это когда буровой инструмент застревает в скважине. Не просто застревает, а так, что его не вытащить. Словно земля сжалась на глубине, схлопнулась и теперь держит железо и не отпускает.

У нас на глубине осталась буровая головка. Говорят, дорогущая. Кто-то брякнул: миллион долларов. Я не уверен, правда это или нет. Но я сразу стал жить с этой мыслью: там, внизу, лежит рыба на миллион баксов. И мы пытаемся её выловить.

А ловим мы как? Промываем. Дёргаем. Вращаем. Отцепляемся. Поднимаем. Опускаем. Молимся. И снова по кругу. Эти попытки называют «расхаживанием», и звучит это красиво. Как будто ты гуляешь по скважине. Но на самом деле это охота вслепую.

Если не получится — будет окно. Так здесь называют метод, когда ты отцепляешься, бросаешь часть инструмента вниз, поднимаешь вверх свечи,

---

что можно поднять, и буришь рядом, сбоку, новый ствол, чтобы обойти застрявшее. Типа: ладно, там сдохло — сверлим рядом. Это дорого. Это долго. Это жёстко. Но иногда единственный выход.

И мы уже рыбачим. Атмосфера накалена. Раньше все орали из-за факела, теперь по большей части угрюмо молчат из-за денег.

Смешно, но слово «расхаживание» звучит так, будто кто-то просто прогуливается по скважине. На самом деле никто тут больше не гуляет. У всех лица такие, как будто хоронят не железку, а кусок собственной зарплаты.

Я сначала подумал, что это просто скучно. Ну застряло железо и застряло. А потом понял: скука тут — самая противная маска ужаса.

Потом я ещё много раз увижу эту механику — уже не на буровой, а в компаниях, проектах, переговорах, в кабинетах с кондиционером и кофе. Пока всё растёт, люди шутят и дружат. Как только пахнет убытком, ошибкой или виноватым, наружу вылезает совсем другая порода. Буровая в этом смысле была просто честнее офиса: там грязь хотя бы была видна.

Глава 8. Тягучее время. Кирилл, разбор и белый день

27.06.2006.

Каждый день заканчивался пробежкой, а начинался неохотой жить...

Вчера ходил с Кириллом на речку. Постоянное и очень густое население этого места — комары и мошки — заподозрили в нас невероятных врагов и стали очень агрессивно вести себя по отношению к нам. Махая рукой по воздуху, можно почувствовать, будто сотни мелких камушков бьются по тебе; такое ощущение, как будто идёт обильный град, и при этом кусается.

А сегодня я совершил пробежку до мест вчерашней рыбацкой славы и, когда уже был на реке, решил маленько отдохнуть перед обратной дорогой и присесть на землю, как вдруг в кустах что-то пошевелилось — и, судя по звуку, пошевелилось что-то большое. Зная дикость этих мест и будучи подкованным благодаря рассказам бурилётчика, я решил долго не засиживаться на месте: дело, сами понимаете, щекотливое. Не каждый день что-нибудь большое шевелится неподалёку от тебя в кустах.

Не прошло и секунды, как я стал отдохнувшим, в ногах появилась бодрость, а руки стали очень бодро и непроизвольно подыскивать оружие для обороны. Глаза у страха велики, поэтому я решил всё-таки обернуться и посмотреть всё-таки на своего противника: метрах в десяти от меня стоял самый настоящий волк. По крайней мере в ту секунду я несколько не

сомневался в том, что это был волк. Он смотрел мне в глаза и что-то пытался в них найти, а я, не отводя глаз, ещё более непроизвольно искал палку поблизости и был немного напуган и возбуждён. Ещё четыре секунды мои ноги наливались бодростью, а мозг искал единственно правильное решение, судорожно перебирая учебники природоведения, где вроде бы содержалась информация о том, как вести себя при встрече с дикими животными.

Мозг так и не нашёл решения, а инициативу взяло тело и дёрнулось по направлению к волку. Зверь, видимо, испытывал похожие чувства, и его тело нашло решение спрятаться в тех же кустах, откуда оно себя показало.

Данная встреча очень сильно повлияла на физические способности моего организма и очень быстро направила меня в сторону буровой. Не прошло и двадцати минут, как я преодолел обратное расстояние длиной в пять километров, и только в непосредственной близости от людей тело начало успокаиваться и проявило себя с человеческой стороны, давая понять о своей усталости.

После пробежки баня приняла меня в свои тёплые объятия и разрешила моему мозгу провести анализ происшествия. Что я почувствовал в момент встречи? Точно не страх. Хотя угроза жизни была гораздо реальнее, чем в те моменты, когда я действительно испытывал страх. Но страха не было.

По всей видимости, мой мозг догадался раньше меня в целом, что напротив собака, а не волк, и даже не перепугался...

Мне потом много рассказывали про местных росомх, и сейчас я почти уверен, что это была именно она, или что-то похожее, а не волк. В девятнадцать лет я мог назвать волком любую тень с глазами. Но факт остаётся фактом: убегал я красиво. Быстро. Как умеешь только в девятнадцать.

28.06.2006.

Кирилл никуда не поехал, так как вахтовка тоже никуда не поехала. Вахтовка разрушила все мои мечты и желания снять накопившийся стресс, а Кирилл почему-то не побежал пешком сто пятьдесят километров за водкой, хотя он вполне мог бы: ему ведь никто не может здесь приказывать, потому что он сам себе хозяин и что хочет, то и делает.

Недолго мне пришлось расстраиваться, потому что Кирилл принёс хорошие новости, сказав, что вахтовка поедет завтра. Ну а завтра у меня есть свободное время и поэтому есть право поехать тоже, дабы прикупить личных вещей, которых не имел, но это не отменяло их необходимости. Перед сном я прикинул список вещей, которые нужно купить, и самой радостной и нужной вещью оказалась шоколадка, потому что шоколадка — это штука цивилизованная, а наши поварахи в столовой шоколадку приготовить не смогут.

29.06.2006.

Восемь утра, и мы отправляемся в город. Водитель явно с похмелья, поэтому от дороги очень трудно получить какое-либо удовольствие и радостное предвкушение встречи с цивилизацией, зато легко получить удары задом об сидение и головой об потолок.

Небольшая справка о транспортном средстве для передвижения буровиков: вахтовка. Как много в этом слове для зада русского сплелось. Судя по названию, транспортное средство предназначено для несения вахты и для передвижения вахтёров, то есть вахтовиков. Представляет оно собой будку на колёсах с, как правило, оранжевой или зелёной кабиной для водителей. Произведён сей аппарат на заводе «Урал» уральскими конструкторами. Судя по внешнему виду и внутреннему убранству, уральские конструкторы не предназначали вахтовку для транспортировки людей, разве что напиться и посмеяться. Сиденья же внутри будки, должно быть, предназначены для того, чтобы класть под них картошку и укрывать таким образом от света. Ну не может быть вахтовка предназначена для людей.

Самое весёлое, что каждое такое транспортное средство или подобное ему имеет на передней стенке красивый календарь с изображением голой женщины, ну или в крайнем случае собачки. Смотрится этот календарь как решительное издевательство над людьми путём показа им картин из лучшей жизни.

Вахтовка имеет свойство ломаться, громко шуметь, но самое интересное: она имеет большое количество тайников для провоза через КПП алкогольных напитков самого разного градусного наполнения. Каждый уважающий себя вахтовик обязательно забивает все возможные тайники и провозит как можно больше таких напитков, а каждый уважающий себя охранник на КПП обязательно не заглядывает в эти дырочки.

Одиннадцать утра, и мы в городе Новый Уренгой. На все благости жизни было выделено три часа, и Кирилл, не теряя ни секунды, сразу же предложил купить по пиву, на что я охотно согласился. Вкуснотища. Очень вкусно. Мало кто может себе представить, каким вкусным может быть пиво, несмотря на его невыносимо высокую стоимость, после долгого пребывания в плену у бурилётчика. Я пил и вспоминал этого Геннадия с радостью от того, что Геннадий пиво-то с нами не пьёт и вообще вряд ли когда-нибудь сие событие будет иметь место в моей жизни, а это, друзья, очень большая радость.

За короткий промежуток времени мы успели сделать все свои дела, а именно: Кирилл купил новый спиннинг, катушку и воблер, а я купил накомарник, диски для записи какой-либо полезной информации на буровой и перчатки для рук. Далее мы приобрели ноль-седьмую водочки и четыре литра пива в догонку. К моему небывалому удивлению, оказалось, что мы далеко не единственные, кто купил водки. Сказать по-честному, водки купили все.

Товарищ водитель, отошедший от похмелья, был не очень рад этому факту, апеллируя к «шмону» на КПП. В итоге все тайники оказались забитыми под завязку совместной водкой, а вот пиво никуда не влезло,

---

пришлось прятать его в машине, что, как объяснил всё тот же водитель, очень рискованно, потому что при въезде на буровую шмонают гораздо сильнее, чем при выезде.

Охранник на КПП с недоверием всматривался в наши красные глаза и нюхивался в наши перегаристые дыхания, затем подошёл к нашим личным вещам и стал их осматривать, но делал он это скорее для виду, поэтому пиво оказалось незамеченным.

Победа.

Благодаря халатности охранника один из множества моих серых и скучно-стандартных вечеров окрасился в синие тона, а мог бы и в голубые, если бы охранник заметил пиво и доложил начальству.

30.06.2006.

Ближе к вечеру мы очутились у Кирилла в вагоне с напитками и хорошим настроением на закуску. Вот тут-то и начала раскрываться русская душа. За распитием были обсуждены многие насущные проблемы нашего бытия: отношения полов, драки, а также остро-политические проблемы государства. Четырёх часов хватило Кириллу, чтобы напиться и превратиться в пьяного Кирилла, а это хоть и тёзка, но человек совершенно противоположный. Я же был не совсем трезвый, но до такого состояния находился на очень далёком расстоянии.

Извините за отступление от повествования, но очень хочется поднять проблему о моей национальности. Знаете, мне кажется, что я не русский человек. То есть душа у меня русская: люблю родину-матушку, традиции, историю великую Руси всея, чувствую себя как русский, а вот организм, похоже, иностранной закалки. Ну не берёт меня водка. И другой алкоголь меня ну не берёт. Конечно же, я пьянею, но до истинно русского состояния, когда душа рвётся на части, хочется всё переломать вокруг, перебить врагов, научить всех жить, доказать свою правоту, ээээх, взять то, что плохо лежит, — ни разу не доходил.

Кирилл проявил себя очень русским, сделав мне два интересных, по его мнению, предложения. Предложения были немногословны, но отражали в себе как минимум многотысячную историю всего нашего человечества: первое отражало настроение — «А пойдём бить морды», а второе, скорее, глубину и важность всего происходящего — «А мне насрать». Этих фраз и предложений существует много больше, есть варианты и поинтереснее, но можно очень легко составить полный список таковых, повесить его перед застольем и не наливать человеку, произнёсшему что-нибудь из списка.

Мы с Кириллом начали путешествовать по буровой, чего в пьяном виде делать совсем нельзя. Если мастер или супервайзер, начальство, увидят — уволят сразу и без разговоров. Кирилл же настоял на экскурсии для меня, несмотря на рациональные доводы к обратному.

Нет смысла описывать наши похождения — они очень типичны для русской пьянки. Мы очень тупо обошли все достопримечательности буровой и поматерились на каждую: баню и вагончик парня, отвечавшего за буровые растворы. За растворы на нашей буровой отвечала заграничная компания MI Swaco, поэтому вагончик действительно являлся достопримечательностью — в нём был телевизор.

Этого Кириллу было мало, и он сделал менее типичное предложение:

— Слушай, а пойдём на рыбалку.

Я согласился, лишь бы уйти долой с трезвых глаз начальства. Но до рыбалки мы не добрались, ведь на выходе из вагончика нам попался буровой мастер, который, ничего не подозревая, попросил помочь померить ему трубы. Первым вызвался Кирилл. Минуты через полторы мастер начал звать меня для помощи — видимо, их парное взаимодействие так и не наладилось. Я же не смог узнать почему, ведь Кирилл совсем потерял здравый смысл, а от мастера я смог услышать только слова «трезвее».

После этого ещё два часа Кирилл пытался учить меня жизни: тут были и дворовые драки, и происшествия с любимой девушкой, и факты о том, что

во время молодости Кирилла его искал и боялся весь город, ну и естественно абсолютно наплевательское отношение к руководству и прочие нелепости, открывшиеся мне благодаря нашему совместному открытию водки. Мне ничего не оставалось, кроме того, чтобы сидеть и молча слушать его, думая о своём.

01.07.2006.

Вчера был весёлый день, а сегодня грустный и трудный. Сухой день — пустынный, пустой, простой, никакой. Поскольку аварию на буровой никто не собирался ликвидировать быстро, мы весь день пролежали на кроватях, отсматривая фильмы, имевшиеся на местном компьютере. Больше ничего не делали. Естественно, не обошлось без весёлого воспоминания о вчерашней пьянке и наших подвигах. Тут уж я Кириллу немного приоткрыл глаза и восстановил память.

Очень много стало комаров и мошек. Видимо, они догадались, что у реки нет ничего вкусного, и стали теснить съедобного врага на его территории. Такое ощущение, что эти насекомые прибавляются в арифметической прогрессии день ото дня.

Под вечер стало совсем скучно, и мы решили сделать то, чего не удалось вчера, а именно пойти на рыбалку.

Когда мы дошли до реки, я почувствовал себя богом. Я стал повторять себе: «Саша, ты молодец. Ты гений. Ты красавец. Спасибо тебе. САША. Молодчинушка». Я испытывал вселенское счастье по очень простой причине. Я не пожалел триста рублей в Новом Уренгое на накомарник.

Количество комаров вокруг нас было невозможно описать даже приблизительно. Мы стали ловить рыбу. Точнее, Кирилл стал ловить рыбу, а я стал изучать технику броска спиннинга, поскольку в детстве не был обучен оной. С горем пополам я научился, правда для этого пришлось отдать реке в дар блесну и пару раз сделать бородатой катушку. Кирилл ругался на щуку ввиду отсутствия клёва и, по его мнению, очень забавно рифмовал щуку с не

очень хорошим словом.

Я же не знал, как поймать момент, в который клюёт щука, поэтому мне думалось, что щука клюёт постоянно. Но вот в один прекрасный миг дёрнуло очень сильно, я начал тянуть и звать Кирилла. Он подбежал и помог мне вытянуть килограммовую щуку. Кирилл очень «обрадовался» тому, что щуку поймал именно я. Видимо, это как-то компрометировало опытного бурильщика, которому по фиг на начальство и вообще много платят.

Вот она настоящая романтика, настоящая жизнь без прикрас, без осени и весны и каких-либо других полумер.

02.07.2006.

И вот теперь всё поменялось. Люди — тоже.

Помните Валеру-помбура, который может шутить даже когда ему тяжело? Теперь он шутит меньше. Щурится. Держит паузу. Уточняет, у кого какая смена была. Даже повариха смотрит настороженно. Супервайзер стал говорить по рации вдвое строже. Кто-то не здоровается. Кто-то пересматривает графики. Кто-то записывает.

Начинается разбирательство. И надо найти виноватых. Потому что этот долг бешеный хотят повесить на кого-то из подрядчиков. И потому начались интриги. На поверхность вылезло говно.

Звучат диалоги:

— Привет.

— ... (молчит)

— Чё, есть новости?

— Я вообще не в курсе. (отводит глаза)

Как будто все теперь хотят забыть, что они когда-то дружили. Я даже не знал, что так бывает. Что мужики, которые вместе ели с одной ложки и смотрели футбол на сломанном телевизоре, могут начать перешёптываться и подозревать друг друга.

Говорят, будут проверять телеметрию. А может, растворщики что-то не то засыпали? Всех проверят. Говорят, один подрядчик уже отправил отчёт, где нет ни слова про то, что он был рядом. Работа стоит. Крутят свечи туда-сюда для приличия. Но редко.

А я? Я стажёр. Я никто. С меня взятки гладки, даже если и хотелось бы — мне не предъявить, я ещё сам не понял, где я. Но от этого не легче. Я чувствую, как между нами воздух натянулся.

Говорят, если на человека надавить, то из него вылезет говно, если оно есть. Но ты никогда не знаешь заранее, что вылезет из тебя самого. Я не моралист. Я просто видел, как в момент давления люди становятся другими. И я до сих пор не уверен, что сам был бы лучше.

05.07.2006.

Работа по факту стоит. Ловильщики рыбачат, супервайзер нервничает, отчёты множатся, а я — стажёр — вдруг оказываюсь в самом странном статусе: вроде бы я тут нужен на всякий случай, а по факту я как мебель, которую забыли вывезти.

Делаю в день час-полтора чего-то полезного: смотрю шлам, делаю пометки, бегаю по просьбам супервайзера, которые звучат как наказание для школьника: «сходи-ка туда, посмотри-ка это, принеси-ка то». Никакого результата. Одна тщетность.

Чтобы не сойти с ума, я делаю три вещи: пишу дневник, бегаю и бряцаю на гитаре. Бег — моя личная тишина. Иногда удаётся отбежать так далеко, что факел перестаёт давить в уши. И в этот момент я понимаю, что

тишина — это не отсутствие звука. Это ощущение, что ты снова принадлежишь себе.

10.07.2006.

Звоню в штаб: «Когда меня меняют?» Сначала мне говорили: двадцать восемь дней. Потом: сорок два. Сейчас говорят: «Не знаем. Тебе нет замены».

Мне девятнадцать лет, и я впервые в жизни ощущаю себя не героем и не нужным специалистом, а лишней единицей, которую забыли в таблице. Обиднее всего, что никто меня специально не мучает. Просто нет замены. Просто я завис где-то между двумя клетками, и никому не хочется этим заниматься. Никакой трагедии. Чистая бухгалтерская жестокость.

Позже я много раз увижу этот тип насилия уже в мирной одежде — в корпорациях, в больших системах, в красивых таблицах, где человека не ненавидят и не спасают, а просто не замечают. И, если честно, меня до сих пор особенно бесит именно это: не злодейство, а тупое системное безразличие.

Глава 9. Отдельный вагончик. Тишина. «Красивая»

15.07.2006.

Мне удалось выбить себе отдельный вагончик. Тут тесно и тоже всё пахнет железом, но хотя бы можно лечь и не слышать чужих храпов и чужих разговоров.

Я завесил окно одеялом и впервые за недели увидел темноту. Вы не представляете, какое это счастье — темнота. Я в тот вечер лежал и улыбался, как дурак.

В этот момент я понял очень неприятную и очень полезную вещь: человеку для счастья иногда нужно совсем немного. Чтобы не орала. Чтобы не светило. Чтобы тебя хотя бы час не жрали. Чтобы можно было просто полежать и никому ничего не объяснять.

И именно в этом вагончике я написал свою первую песню. Она называется «Красивая». Я никогда раньше не думал, что буду сочинять песни. Гитара у меня была как инструмент сыграть чужое. А тут вдруг из меня полезло своё. Как будто вся эта тоска, шум, белый день, ожидание и чувство «я никому тут не нужен» собрались в мелодию. И музыка вошла в меня.

Самое удивительное, что песня получилась вообще не про буровую. Не про факел. Не про мошкарю. Не про Геннадия и его государство. Но без буровой её бы не было. Видимо, человеку иногда нужен очень неправильный внешний мир, чтобы в нём вдруг правильно зазвучало что-то внутреннее.

Я перечитываю этот момент и почти физически чувствую, как во мне тогда родилась какая-то точка опоры. Не профессия. Не нефтегаз. А способность превращать неудобство в смысл. Сейчас я делаю это иначе — через работу, через проекты, через тексты. Но тогда это впервые пришло через песню. И смешно думать, что потом из этой точки вырастут записи, сцены, альбомы, «16 Тонн» и вся та музыкальная линия моей жизни, которая тогда ещё вообще не существовала как идея. На буровую я ехал за профессией, а там, посреди белого дня и железа, во мне тихо открылась музыка.

Глава 10. Возвращение. Деньги. Решение

Август 2006.

Когда меня наконец отпустили, я даже не сразу поверил. Никакой торжественной музыки, никакого чувства победы. Просто в какой-то момент стало можно ехать. Сдал смену, собрал сумку, взял гитару — и всё. И я уехал без сожалений. Мне кажется, если бы я задержался там ещё на неделю, я бы начал говорить голосом Геннадия и во всём винить государство.

В Уренгое мне выдали деньги. Пятьдесят шесть тысяч рублей. Я был в огромном шоке. Моя стипендия была семьсот двадцать рублей, а если отличные семестры — около восьмисот восьмидесяти. Плюс подработки — две тысячи, ну максимум. А тут — пятьдесят шесть.

Ровно в этот момент я на секунду засомневался: может быть, мне стоит остаться в нефтяной отрасли? Но потом понял: нет. Это не моё. Даже если деньги большие. Мои первые большие деньги пахли соляровкой, потом перегаром, потом этим белым гулом факела, который не заканчивается.

И всё-таки запах у этих денег был особенный. Не только тяжёлый. Ещё и победный. Я гордился ими. Гордился тем, что это мои, что я их вытерпел, что привезу их с Севера как какую-то взрослую, настоящую добычу. Наверное, именно поэтому решение уйти далось не так уж просто. Когда тебе платят студенческое богатство, очень легко начать путать смысл с суммой.

В поезде я часть денег зашил в трусы, другую часть положил на карты. С собой оставил только пять тысяч рублей. Я знал, что вахтовики в поездах — лакомая цель.

И правда: в вагоне-ресторане меня подпоил какой-то военком, который показывал двести восемьдесят тысяч рублей и говорил, что жене такие деньги не повезёт — надо пропить. Мы пили, официантки просили «Рафаэлло», он покупал, я где-то уснул, а проснулся без своих пяти тысяч. Остальные деньги были на месте — и на том спасибо.

Потом я купил себе первый MP3-плеер и первый сотовый телефон. И был в восторге. Остальное разошлось как-то само: жизнь умеет быстро тратить то, что ты добывал потом и комарами.

И я вышел на обычную работу. Без таких денег. Но с гораздо большим интересом.

По-честному, вот это и есть главный итог всей истории. Я посмотрел практику и понял, что теория — это вам, сука, не практика. В университете всё было про романтику, профессию и взрослую мужскую жизнь. В реальности же я увидел факел, ор, мошкарку, подрядчиков, интриги, аварии, чужую усталость, которая постепенно становится характером. И понял: если я останусь здесь, я однажды либо стану Геннадием, либо Кириллом, либо кем-то ещё из этой длинной шеренги мужиков, которые уже не знают, где у них характер, а где просто привычка терпеть.

Так закончилась моя нефтяная практика. На словах — очень прибыльно. На деле — очень поучительно.

Иногда я думаю: если бы не прихват, если бы не расследование, если бы я попал на нормальную буровую и в нормальную компанию, — может быть, я был бы нефтяником. Не исключаю. Судьба просто устроила мне знакомство с нефтегазом вот так, одним ударом по голове, чтобы я понял: это не моё. И это, пожалуй, был самый честный карьерный консультант в моей жизни.

Потом в моей жизни будут бюджеты, проекты, сделки, суммы, рядом с которыми эти пятьдесят шесть тысяч покажутся почти смешными. Но по плотности и по физическому ощущению это, наверное, одни из самых настоящих денег в моей жизни. Я их буквально вынес телом.

Послесловие

Я нашёл эту тетрадь — и моя душа правда плакала. Не потому, что мне жалко себя девятнадцатилетнего. Мне даже завидно ему. Он был прямой. Он был категоричный. Он мог смеяться над начальством и не понимать, что такое субординация. Он мог верить, что если ты хороший — мир будет с тобой честным. Он был местами смешон, местами глуп, местами заносчив, но он звучал чище.

Потом мне много раз говорили: «будь гибче», «будь дипломатичнее», «не руби», «мягче, Саша», «так нельзя», «так не принято». И я стал гибче. Я стал обтекаемым. Я научился договариваться, сглаживать, делать вид, что мне всё равно, не обижаться, не принимать близко, держать лицо. Это помогло мне строить бизнес. Помогло выжить. Помогло делать проекты и не срать с каждым встречным.

Но вместе с этим ушла та энергия. Та чистота. Та поэтичность. Тот максимализм, от которого, возможно, и рождается музыка и честный текст. И вот мой вопрос к себе сегодняшнему: а не слишком ли я стал взрослым? Не слишком ли удобным? Не убил ли я в себе того пацана, который мог написать песню в вагончике посреди Севера просто потому, что ему больно и он живой?

Я не хочу обратно в девятнадцать. Не хочу обратно в бедность, в глупость, в сортир как спецоперацию и в вечный белый день. Но я очень хочу обратно в ту честность. В ту прямоту. В ту способность замечать мир не как задачу, а как явление. В ту душу, которая ещё не научилась так ловко подгибать себя под реальность.

Эта книга — мой способ сказать спасибо себе прошлому за то, что он всё это записал. И мой способ попросить у себя нынешнего кое-что вернуть. Не наивность. Не категоричность ради категоричности. А живой звук. Потому что я до сих пор не всё понял. Я до сих пор разбираюсь, что во мне тогда умерло, что родилось, и можно ли снова сделать так, чтобы душа звучала не умнее, а чище.

Если эта книга вообще о чём-то, то, наверное, вот об этом: иногда ты едешь за профессией, а находишь кусок самого себя. Теряешь одно, находишь другое. И много лет спустя сидишь над старой тетрадкой и понимаешь, что до сих пор не закончил тот разговор.

Об авторе

Александр Трибунский родился на Дальнем Востоке, учился в Новосибирске на геолога, по специальности не проработал ни дня. После буровой ушёл в маркетинг, открыл агентство в подвале, закрыл, открыл другое, потом третье. Работал в найме и для себя, запускал проекты в медицине, IT и медиа, выступал на сцене «16 Тонн» с гитарой.

Сейчас занимается стратегическим консалтингом, пишет, делает музыку и пытается не потерять тот голос, ради которого написана эта книга.

Telegram — @tg_trib

Сайт — sntl.ru

Если вам откликнулась эта книга и хочется поговорить — напишите мне в Telegram. Я правда читаю сообщения и буду рад обратной связи.

Буровая книга
Дневник одной буровой практики

Александр Трибунский

2006 / 2025